

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО. ЗАРУБЕЖНОЕ ПРАВО

INTERNATIONAL LAW. FOREIGN LAW

DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-4-1187-1204

Научная статья

О ГЕНЕЗИСЕ И БУДУЩЕМ ИНСТИТУТА ПРОКУРОРА *AMICUS CURIAE* В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Е.А. Копылова

Посольство Российской Федерации во Французской Республике и Княжестве Монако,
г. Париж, Французская Республика

В статье подробно прослеживается процесс становления международно-правового института прокурора *amicus curiae* в практике Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии, который впоследствии будет воспринят всеми международными уголовными трибуналами *ad hoc*. Отмечается, что своим появлением он обязан неудачному опыту преследования посягательств на отправление правосудия трибуналом в рамках предыдущего правового регулирования. Подчеркивается также, что, несмотря на свою эффективность, этот институт не может быть центральным компонентом политики преследования такого рода деяний и даже на данном этапе является помехой ее формированию, ввиду точечного характера участия прокурора *amicus curiae* в международных производствах и отсутствия преемственности. В качестве его альтернативы предлагается учреждать в международных уголовных трибуналах, включая Международный уголовный суд, особый независимый орган — Прокурора по посягательствам на отправление правосудия.

Ключевые слова: прокурор *amicus curiae*, друг суда, Правила процедуры и доказывания, гарант справедливости международного уголовного правосудия, международное уголовное право

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Дата поступления в редакцию: 10 июля 2020 г.

Дата принятия к печати: 15 октября 2020 г.

© Копылова Е.А., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

Для цитирования:

Копылова Е.А. О генезисе и будущем института прокурора *amicus curiae* в международном праве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 4. С. 1187–1204. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-4-1187-1204.

DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-4-1187-1204

Research Article

THE GENESIS AND CRITICS OF THE PROSECUTORS AMICUS CURIAE IN INTERNATIONAL LAW

Ekaterina A. Kopylova

Embassy of the Russian Federation to the French Republic and the Principality of Monaco,
Paris, France

Abstract. The article traces in detail the origins of the prosecutor *amicus curiae* in the practice of the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia. This mechanism will subsequently be endorsed by all the *ad hoc* international criminal tribunals. It is noted that their emergence is the result of an unsuccessful experience in prosecuting offences against the administration of justice by the Tribunal under the previous legal framework. It is also stressed that, despite its effectiveness, the prosecutor *amicus curiae* mechanism cannot constitute the central component of the policy of prosecuting such acts and that, at this stage, it may even be considered an obstacle to its formation, given the occasional nature of the prosecutor *amicus curiae*'s intervention in the international criminal proceedings and lack of continuity. As an alternative, it is proposed to establish a special independent organ — the Prosecutor for the offences against the administration of justice — in the international criminal tribunals, including the International Criminal Court.

Key words: prosecutor *amicus curiae*, friend of the court, Rules of Procedure and Evidence, guarantor of fairness of the international criminal justice, international criminal law

Conflict of interests: The author has declared no circumstance amounting to a conflict of interests to her knowledge.

Article received 10 July 2020

Article accepted 15 October 2020

For citation:

Kopylova, E.A. (2020) The genesis and critics of the prosecutors *amicus curiae* in international law. *RUDN Journal of Law*. 24 (4), 1187–1204. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-4-1187-1204.

Введение

Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии (далее — «МТБЮ») стал первым опытом международного сообщества по учреждению

международного судебного органа для уголовного преследования лиц, виновных в совершении международных преступлений, после Второй мировой войны. Завершив свою работу в 2017 г. после почти двадцатипятилетнего функционирования, он оставил после себя богатое правовое наследие, которое предстоит изучать не одному поколению юристов-международников. Многие правовые концепции и механизмы, разрабатывавшиеся судьями в режиме реального времени, зачастую путем проб и ошибок, — многочисленные поправки в Правила процедуры и доказывания тому подтверждение — были восприняты последующими международными уголовными трибуналами *ad hoc* и служат ориентиром для Международного уголовного суда.

Для преследования преступлений против отправления международного уголовного правосудия (Marusin, 2002; Trikoz, 2009; Kopylova, 2019) в случаях, когда участие системного прокурора нецелесообразно¹, МТБЮ был создан особый институт — прокурор *amicus curiae*. Он представляет собой совокупность международно-правовых норм, регулирующих порядок назначения, прекращения полномочий, компетенцию, процессуальные права и обязанности комплементарного по отношению к прокурору международных уголовных трибуналов внесистемного органа следствия и поддержания обвинения в связи с посягательствами на отправление правосудия международными уголовными трибуналами. До сих пор в доктрине международного права ему практически не уделялось внимания, как в России, так и за рубежом². Вместе с тем он представляет собой большой научный и практический интерес, благодаря своей уникальности и позитивной роли гаранта справедливости международного уголовного судопроизводства, а также элемента борьбы с посягательствами на отправление правосудия.

Первая часть настоящей статьи посвящена истории его появления. Во второй части представлено его критическое осмысление, в том числе в свете необходимости формирования устойчивой и последовательной политики преследования преступлений против отправления международного уголовного правосудия. Наконец, в третьей части изложены предложения по созданию в системе международных уголовных трибуналов специального органа — Прокурора по преступлениям против отправления правосудия — в качестве альтернативы прокурору *amicus curiae*.

¹ К таким случаям относятся: 1) наличие у системного Прокурора конфликта интересов в отношении деяния, подлежащего расследованию и уголовному преследованию; 2) загруженность системного Прокурора, не позволяющая взять на себя бремя дополнительного производства без ущерба для текущих дел; 3) самоотвод системного Прокурора.

² Одна из немногих публикаций, в которой поднимается вопрос об альтернативных системному Прокурору МУС механизмах преследования за совершение преступлений против отправления правосудия, — это статья М. Хиераменте, Ф. Мюллера и Э. Фергюсон (Hiéramente, Müller, Ferguson, 2014).

Формирование института прокурора *amicus curiae*

По меркам международного права институт прокурора *amicus curiae*³ совсем молод — соответствующее положение появилось в Правилах процедуры и доказывания МТБЮ 13 декабря 2001 г., спустя семь лет функционирования трибунала в ходе двадцать второго пересмотра текста Правил. В отсутствие подготовительных материалов сложно однозначно определить причину его появления; содействовать ее установлению может анализ обстоятельств трех дел о посягательствах на отправление правосудия, которые были рассмотрены МТБЮ к тому моменту, а именно: против М. Вуджина⁴, М. Шимича и Б. Аврамовича⁵ и А. Нобило⁶.

Порядок преследования лиц, подозреваемых в совершении посягательств на отправление международного уголовного правосудия, в МТБЮ менялся несколько раз, лишний раз подтверждая, что международное процессуальное право отличается динамичностью и гибкостью и развивается под влиянием практики. В самой первой версии Правил процедуры и доказывания от 11 февраля 1994 г. наказуемым признавался только отказ свидетеля давать показания по вопросу, имеющему отношение к предмету судебного разбирательства. По своему характеру данное деяние не требовало ни предварительного следствия, ни обвинительного заключения: суд констатировал его в режиме реального времени и сразу же выносил решение о наказании в виде штрафа в размере до 10 000 долл. США либо лишения свободы сроком до шести месяцев⁷.

30 января 1995 г. перечень составов дополнился покушением на оказание воздействия или устрашение свидетеля. Виды и размеры наказаний остались без изменений, однако у приговоренных в первой инстанции появилось право обжаловать приговор в апелляционном порядке⁸.

В результате очередного цикла поправок 25 июля 1997 г. в Правилах процедуры и доказывания появился запрет на разглашение информации, признанной конфиденциальной постановлением Палаты⁹. Порядок преследования

³ Международно-правовое содержание понятия *amicus curiae* подробно исследовано в контексте международного, международного уголовного и регионального правосудия (см.: Lysenko, 2008; Mirgorodsky, 2019; Cibulski, 2005; Chinkin, Mackenzie, 2002; Crema, 2013; Gomez, 2012; Sands, Mackenzie, 2008; Shelton, 1994; Viljoen, Abebe, 2014; Van den Eynde, 2019).

⁴ Vujin, IT-94-1-A-R77.

⁵ Avramovic and Simic, IT-95-9-R77.

⁶ Nobilo, IT-95-14/1-AR77.

⁷ Rule 77, Rules of Procedure and Evidence of the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia, 11 February 1994, available at: https://www.icty.org/x/file/Legal%20Library/Rules_procedure_evidence/IT032_original_en.pdf (Accessed 12 June 2020).

⁸ Rule 77, Rules of Procedure and Evidence of the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia, 30 January 1995, available at: 77(D) https://www.icty.org/x/file/Legal%20Library/Rules_procedure_evidence/IT032_rev3_en.pdf (Accessed 12 June 2020).

⁹ Rule 77, Rules of Procedure and Evidence of the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia, 25 July 1997, available at: https://www.icty.org/x/file/Legal%20Library/Rules_procedure_evidence/IT032_rev11_en.pdf (Accessed 12 June 2020).

оставался неизменен еще несколько месяцев, до поправок 12 ноября 1997 г. Одновременно перечень посягательств на правосудие дополнился бесосновательным уклонением от явки или представления документов по приказу трибунала¹⁰. По мере того, как к составам непосредственного проявления неуважения к суду (имеют место в зале судебного заседания «на глазах» у судей, *in facie curiae* — Вгу, 1993:227) добавлялись составы опосредованного (которые суд не наблюдает физически), расширялось и регулирование порядка привлечения к ответственности (Вгу, 1993:225). Обвиняемому было предоставлено право быть заслушанным судом; право на защитника; введено правило о необходимости установления виновности «вне всяких разумных сомнений», которое обычно применяется к обвиняемым в международных преступлениях.

В результате поправок от 10 июля 1998 г. было принято более детальное регулирование порядка обжалования приговора в апелляционном порядке¹¹. В следующий цикл поправок от 4 декабря 1998 г. не только существенно расширился перечень преступных деяний, но и была предусмотрена наказуемость подстрекательства и покушения на их совершение, а также внедрена градация наказаний в зависимости от тяжести содеянного: для менее тяжких — штраф в размере до 40 000 нидерландских гульденов и/или лишение свободы на срок до двенадцати месяцев; для более тяжких — штраф до 200 000 гульденов и/или лишение свободы на срок до семи лет. Отметим, что семилетним лишением свободы наказывались лица, признанные виновными в совершении международных преступлений (Kopylova, 2019:144).

На момент рассмотрения дел против М. Вужина, М. Шимича и Б. Аврамовича и А. Нобило ч. (F) Правила 77 Правил процедуры и доказывания МТБЮ предусматривала следующий порядок преследования посягательств на отправление правосудия: «Если у Палаты имеются основания полагать, что лицо может быть виновно в неуважении к трибуналу, она может, по своей собственной инициативе, возбудить процесс и уведомить это лицо о том, что оно может быть признано виновным в неуважении к суду, а также о характере предъявляемых ему обвинений. После того, как лицу будет предоставлена возможность предстать перед судом и ответить на обвинения лично или через защитника, Палата может признать его виновным в неуважении к суду, если она будет убеждена в его виновности вне всяких разумных сомнений».

¹⁰ Rule 77, Rules of Procedure and Evidence of the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia, 12 November 1997, available at: https://www.icty.org/x/file/Legal%20Library/Rules_procedure_evidence/IT032_rev12_en.pdf (Accessed 12 June 2020).

¹¹ Rule 77, Rules of Procedure and Evidence of the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia, 10 July 1998, available at: https://www.icty.org/x/file/Legal%20Library/Rules_procedure_evidence/IT032_rev13_en.pdf (Accessed 12 June 2020).

М. Вуджин был основным защитником Д. Тадича в деле по обвинению в нарушении законов и обычаев войны¹². Ему вменялось противоправное оказание воздействия на свидетелей в ходе подготовки процесса в связи с апелляционным обжалованием обвинительного приговора, вынесенного Д. Тадичу в первой инстанции. Согласно пунктам обвинения (вынесены в виде постановления Палаты), в период с сентября 1997 г. по апрель 1998 г. М. Вуджин давал указания свидетелям о даче ложных показаний второму защитнику Д. Тадича; жестами головы показывал свидетелям во время предварительных допросов, когда отвечать утвердительно, а когда — отрицательно; устрашал свидетелей с целью воспрепятствовать даче ими правдивых показаний; осознанно давал указание свидетелю дать ложные показания трибуналу; выплачивал денежное вознаграждение свидетелю за дачу предварительных показаний, соответствующих его указаниям, и отказывался выплачивать вознаграждение за показания, идущие с ними вразрез¹³. В основу дела легли материалы, представленные Прокурором МТБЮ. М. Вуджин был признан виновным в первой¹⁴ и апелляционной инстанциях¹⁵.

М. Шимич был обвиняемым по делу «Прокурор против М. Шимича и других»¹⁶, а Б. Аврамович — его защитником. Согласно пунктам обвинения, в период с июля 1998 г. по май 1999 г. они реализовывали план по оказанию активного воздействия и устрашению одного из потенциальных свидетелей, подкреплявшийся подкупом, с целью убедить его принять участие в процессе в качестве свидетеля защиты и дать ложные показания. Соответствующая информация поступила от свидетеля Прокурору. Всю доказательную базу обвинения составили пять протоколов допросов свидетеля сотрудниками Канцелярии Прокурора¹⁷. Суд пришел к заключению, что обстоятельств, изложенных в них, не-

¹² Душко Тадич, боснийский серб, политик, лидер ячейки Сербской демократической партии в поселке Козарац в общине Приедор. Приговорен МТБЮ к двадцати годам лишения свободы за преступления против человечности, серьезные нарушения Женевских конвенций и обычаев войны, совершенные на территории общины.

¹³ The Prosecutor v. Duško Tadić, Scheduling Order Concerning Allegations Against Prior Counsel, 10 February 1999, IT-94-1-A-R77 (confidential).

¹⁴ The Prosecutor v. Duško Tadić, Judgment on Allegations of Contempt against Prior Counsel, Milan Vujin, 31 January 2000, IT-94-1-A-AR77.

¹⁵ The Prosecutor v. Duško Tadić, Appeal Judgment on Allegations of Contempt against Prior Counsel, Milan Vujin, 27 February 2001, IT-94-1-A-AR77.

¹⁶ Боснийскому сербу Милану Шимичу в 1995 г. Прокурором МТБЮ было предъявлено обвинение совместно с Б. Шимичем, С. Заричем, М. Тадичем, С. Тодоровичем и С. Милжковичем в причастности к военным преступлениям и преступлениям против человечности, имевшим место в 1992 г. на северо-востоке Боснии и Герцеговины в районе Босански Самак. М.Шимич добровольно предстал перед трибуналом в 1998 г. В обвинительное заключение несколько раз вносились изменения. В 2002 г. М. Шимич заключил соглашение о частичной признании вины с Прокурором МТБЮ и был приговорен к лишению свободы в общей сложности сроком на 5 лет за вычетом 835 дней, проведенных в предварительном заключении.

¹⁷ The Prosecutor v. Blagoje Simic et al., Judgement in the Matter of Contempt Allegations against an Accused and his Counsel, 30 June 2000, IT-95-9-R77, §18.

достаточно для того, чтобы признать подсудимых виновными «вне всяких разумных сомнений», и вынес обоим оправдательный приговор¹⁸.

А. Нобило был защитником Т. Бласкича¹⁹. В сентябре 1998 г. в ходе повторного допроса одного из свидетелей защиты он ходатайствовал о приобщении к материалам дела карты, подготовленной свидетелем, участвовавшим в деле «Прокурор против З. Алексовски». При этом он попросил свидетеля по делу Т. Бласкича озвучить в открытом судебном заседании должностное положение свидетеля по делу З. Алексовски. В отношении последнего Судебной палатой по делу З. Алексовски были приняты меры о защите персональных данных, включая его имя, лицо и профессию. После того, как личность свидетеля была разглашена, по его просьбе Посольство Боснии и Герцеговины в Нидерландах направило обращения Прокурору и Секретарю МТБЮ. В свою очередь, Прокурор информировал Судебную палату по делу З. Алексовски о случившемся, предложив квалифицировать деяние А. Нобило как разглашение судебной тайны. В первой инстанции А. Нобило был признан виновным²⁰, однако Апелляционная палата приговор отменила²¹.

В решении об отмене приговора первой инстанции Апелляционная палата выступила с критикой предусмотренного Правилами процедуры и доказывания в действующей редакции порядка привлечения к ответственности лиц, подозреваемых в совершении посягательства на отправление МТБЮ правосудия.

Для целей нашего исследования критика Апелляционной палаты является достаточно существенной, чтобы воспроизвести ее целиком: «[Предусмотренный в правиле 77 порядок] отличается от порядка, предусмотренного в правиле 91, согласно которому Палата может дать предписание Прокурору провести расследование в отношении свидетеля, подозреваемого в осознанной и умышленной даче ложных показаний, для подготовки и представления обвинительного заключения о даче ложных показаний. Было высказано предложение, чтобы возложить на Прокурора полномочия по возбуждению производства за неуважение к суду посредством вынесения обвинительного заключения или, в случае, если подозреваемый в неуважении к суду связан со стороной обвинения, — на *amicus curiae*, назначенного Палатой для этих целей»²² (выделено нами).

¹⁸ The Prosecutor v. Blagoje Simic et al., Judgement in the Matter of Contempt Allegations against an Accused and his Counsel, 30 June 2000, IT-95-9-R77, §18.

¹⁹ Тихомир Бласкич, по происхождению боснийский хорват, возглавлял вооруженные силы Хорватии в Центральной Боснии в период с 1992 по 1995 гг. Был приговорен в первой инстанции к 45 годам лишения свободы за военные преступления и преступления против человечности. Апелляционная палата снизила срок наказания до 9 лет, отменив приговор по ряду пунктов обвинения.

²⁰ The Prosecutor v. Zlatko Aleksovski, Finding of Contempt of the Tribunal, 11 December 1998, IT-95-14/1-AR77.

²¹ The Prosecutor v. Zlatko Aleksovski, Judgment on Appeal by Anto Nobile against Finding of Contempt, 31 May 2001, IT-95-14/1-AR77.

²² The Prosecutor v. Zlatko Aleksovski, Judgment on Appeal by Anto Nobile against Finding of Contempt, 31 May 2001, IT-95-14/1-AR77, §55.

И далее: «Опасно, когда Палата выступает одновременно прокурором и судьей в отношении обвинения в неуважении к суду. Существует вероятность, что в таком случае не будут соблюдены процедуры и гарантии, обычно предоставляемые сторонам. Апелляционная палата отметила [...] пробелы в обычно применимых процедурах, которые бы не случились, если бы процесс по неуважению к суду был инициирован посредством обвинительного заключения и если бы бремя доказывания было возложено на Прокурора. Таким образом, крайне важно, чтобы Палата, самостоятельно возбуждающая производство в связи с неуважением к суду, на раннем этапе формулировала характер обвинения с точностью, присущей обвинительному заключению, и чтобы она давала сторонам возможность высказаться относительно подлежащих доказыванию обстоятельств. Это единственный способ обеспечить подозреваемому в совершении неуважения к суду справедливый процесс»²³.

Итак, идея внедрения прокурора *amicus curiae* зародилась, по всей видимости, в рамках дела против А. Нобило, в первую очередь в связи с тем, что действовавшее на тот момент регулирование не позволяло в полной мере обеспечить справедливое судебное разбирательство подсудимому. Действительно, прежний порядок привлечения к ответственности за посягательства на отправление правосудия не соответствовал ни характеру этих посягательств, ни характеру и срокам предусмотренного максимального наказания. Он не был приспособлен для проведения следственных действий, подготовки и поддержания обвинения, т.к. Судебные палаты не обладают ни необходимыми ресурсами, ни навыками. Между тем, рискуя лишиться свободы на максимальный срок до семи лет, подсудимый имел право на полноценное судебное разбирательство со всеми международно-правовыми гарантиями.

Постановление об отмене обвинительного приговора А. Нобило Апелляционной палатой было вынесено 31 мая 2001 г.; полгода спустя в Правила процедуры и доказывания были внесены поправки, в результате которых появилась ч. (С) правила 77 следующего содержания: «Если Палата имеет основания полагать, что лицо может быть виновно в неуважении к суду, она может: (i) вынести предписание Прокурору провести расследование с целью подготовки и представления обвинительного заключения по неуважению к суду; (ii) в случае, если, по мнению Палаты, Прокурор находится в состоянии конфликта интересов по отношению к соответствующему деянию, вынести предписание Секретарю назначить *amicus curiae* для проведения расследования и информирования Палаты о наличии достаточных оснований для возбуждения производства о неуважении к суду; (iii) возбудить производство самостоятельно».

Новая ч. (D) предусматривала: «Если Палата полагает, что существуют достаточные основания для возбуждения производства против лица за неуваже-

²³ The Prosecutor v. Zlatko Aleksovski, Judgment on Appeal by Anto Nobilo against Finding of Contempt, 31 May 2001, IT-95-14/1-AR77, §56.

ние к суду, Палата может: (i) при обстоятельствах, предусмотренных п. (i) ч. (С), вынести предписание Прокурору поддерживать обвинение по делу, или (ii) при обстоятельствах, предусмотренных пп. (ii) и (iii) ч. (С), вынести постановление, заменяющее обвинительное заключение, и либо предписать *amicus curiae* поддерживать обвинение, поддерживать обвинение самостоятельно». В таком виде это положение просуществовало вплоть до закрытия трибунала и в целом было воспринято в правиле 90 Правил процедуры и доказывания Международного остаточного механизма для уголовных трибуналов, призванного завершить нерассмотренные дела МТБЮ и Международного уголовного трибунала по Руанде после окончания их функционирования.

Допускаем, что вышеприведенные аргументы Апелляционной палатой были не единственными, которые сыграли роль в принятии решения о создании механизма прокурора *amicus curiae*. При анализе обстоятельств дел против М. Вужина, М. Шимича и Б. Аврамовича и А. Нобило сразу обращает на себя внимание то, что в каждом из них в качестве обвиняемого привлекался адвокат защиты. Все дела были возбуждены Палатами на основании информации, представленной Прокурором, и доказательственная база сводилась только к ней. В двух делах доказательства оказались недостаточными для подтверждения виновности подсудимых вне всяких разумных сомнений. Статистика привлечения защитников в качестве обвиняемых в ста процентах случаев возбуждения уголовных дел в связи с посягательствами на отправление правосудия и недостаточность доказательств против них в семидесяти процентах могла также учитываться при принятии решения о создании альтернативного процессуального механизма преследования такого рода деяний в случае конфликта интересов системного Прокурора. Отсюда можно предположить, что ситуация конфликта интересов может возникнуть для Прокурора не только тогда, когда под подозрением находится связанное с ним лицо, как это отметила Апелляционная палата в деле А. Нобило, но и когда подозрения падают на представителя стороны защиты. На правильность данного предположения указывает, в частности, то обстоятельство, что первое дело о посягательствах на отправление правосудия, возбужденное после принятия поправок в Правила процедуры и доказывания, — «Прокурор против М. Маглов»²⁴ — касалось одного из защитников Р. Брданина²⁵ и было поручено прокурору *amicus curiae*²⁶.

Использование термина «*amicus curiae*» применительно к лицу с полномочиями прокурора было беспрецедентным в международном праве, несмотря на то, что, по некоторым предположениям (Williams, Woolaver, Palmer, 2020:126),

²⁴ Milka Maglov, IT-99-36-R77.

²⁵ Радослав Брданин, боснийский серб, заместитель Председателя автономной области Краина. Приговорен к двадцати четырем годам лишения свободы за причастность к этнической чистке несербского населения.

²⁶ The Prosecutor v. Radoslav Brdanin, Order Instigating Proceedings against Milka Maglov, 8 May 2003, IT-99-36/R77.

сам институт «*amicus curiae*» мог применяться уже Международным военным трибуналом и Международным военным трибуналом для Дальнего Востока в силу их естественных полномочий (Корылова, 2019:94–103). Под влиянием национально-правовой концепции *amicus curiae* в международном праве воспринимался только в своей информативной ипостаси, как субъект представления судам спонтанно или по запросу в письменном или устном виде замечаний по вопросам факта или права. В таком же понимании термин «*amicus curiae*» употреблялся до внесения поправок от 13 декабря 2001 г. в Правилах процедуры и доказывания МТБЮ²⁷. В качестве *amicus curiae* как внешнего источника информации в рамках этого и других трибуналов регулярно участвуют как субъекты международного права, так и различные неправительственные организации, профессиональные объединения, индивиды.

Вместе с тем новаторское использование термина «*amicus curiae*» в отношении прокурора вписывалось в общую тенденцию к расширению его международно-правового содержания, наблюдаемую в МТБЮ в этот период. Так, 30 августа 2001 г. Судебная палата назначила *amicus curiae* для представительства интересов обвиняемого С. Милошевича, отказавшегося нанять защитника²⁸. При этом *amicus* были, по сути, предоставлены процессуальные права и обязанности полноценной стороны защиты²⁹. Вкупе с новым положением о прокуроре *amicus curiae* этим решением было положено начало формированию новой разновидности *amicus curiae* — гаранта справедливости международного уголовного судопроизводства³⁰.

Вопреки мнению, бытующему в зарубежной литературе, согласно которому использование термина «*amicus curiae*» применительно к прокурору или квазизащитнику некорректно (Williams, Woolaver, 2006:183; Williams, Woolaver, Palmer, 2020:91), на наш взгляд, оно в данном случае более, чем обоснованно. Понятие «суда» в выражении «друг суда» может толковаться двояко: суд как учреждение и суд как Судебная палата. В первом случае подчеркивается сторонний, внесистемный характер прокурора *amicus curiae* — это третье лицо, ко-

²⁷ Rule 74, Rules of Procedure and Evidence of the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia, 11 February 1994, available at: https://www.icty.org/x/file/Legal%20Library/Rules_procedure_evidence/IT032_original_en.pdf (Accessed 12 June 2020).

²⁸ The Prosecutor v. Slobodan Milosevic, Order Inviting Designation of Amicus Curiae, 30 August 2001, IT-99-37-PT, p. 2; The Prosecutor v. Slobodan Milosevic, Order Inviting Designation of Amicus Curiae, 30 October 2001, IT-01-50-PT, p. 2–3; The Prosecutor v. Slobodan Milosevic, Order Inviting Designation of Amicus Curiae, 23 November 2001, IT-01-51-PT, p. 2–3.

²⁹ The Prosecutor v. Slobodan Milosevic, Order of Further Instruction to the Amici Curiae, 6 October 2003, IT-02-54-T; The Prosecutor v. Slobodan Milosevic, Order Concerning Amici Curiae, 11 January 2002, IT-02-54-T; The Prosecutor v. Slobodan Milosevic, Reasons for Decision on Assignment of Defence Counsel, 22 September 2004, IT-02-54-T, §64.

³⁰ Подробнее об институте *amicus curiae* в международном и международном уголовном праве см: Wiik, 2018; Crema, 2013; Williams, Woolaver, 2006; Williams, Woolaver, Palmer 2020; Sands, Mackenzie, 2008; Bartholomeusz, 2005.

торое, как «друг суда», соглашается выполнять по просьбе последнего функции, призванные содействовать надлежащему отправлению правосудия. Во втором случае через термин «друг суда» подчеркивается роль прокурора *amicus curiae* как представителя интересов Судебной палаты, которым посягательством на отправление правосудия был нанесен ущерб. В национальных уголовных производствах прокурор представляет интересы государства и общества, которое делегировало государству право по их отстаиванию; в международных уголовных производствах в связи с совершением международных преступлений он представляет интересы международного сообщества³¹. Специфика объекта посягательств на отправление международного уголовного правосудия такова (Корулова, 2019:177–180), что в производствах по такого рода делам прокурор защищает, в первую очередь, интересы «потерпевшего» суда.

В практике МТБЮ было зафиксировано четыре случая участия в качестве стороны обвинения в делах о посягательствах на отправление правосудия прокурора *amicus curiae*³² из двадцати четырех производств.

В Правила процедуры и доказывания Международного уголовного трибунала по Руанде соответствующее положение было включено двумя годами позднее, 26 мая 2003 г. Нам известен лишь один случай привлечения прокурора *amicus curiae* к расследованию в рамках этого трибунала: в приговоре по делу «Прокурор против П. Нийрамасухуко и других» упоминается, что для поддержания обвинения по делу о даче ложных показаний одним из свидетелей Судебной палатой был назначен прокурор *amicus curiae*³³. Однако ввиду того, что само постановление о назначении³⁴ и, по всей видимости, материалы производства являются конфиденциальными, проанализировать их не представляется возможным.

Критика института прокурора *amicus curiae*

Отрицательные последствия совершения преступлений против правосудия для привлечения к ответственности лиц, виновных в совершении наиболее тяжких деяний, предусмотренных международным правом, достаточно масштабны и серьезны, чтобы принципы, цели, направления, методы и перспективы борьбы с ними приобрели системность. Совокупность этих аспектов можно

³¹ Standards of Professional Conduct for Prosecution Counsel, Prosecutor's Regulation № 2, International Tribunal for the Former Yugoslavia, 1999, available at: https://www.icty.org/x/file/Legal%20Library/Miscellaneous/otp_regulation_990914.pdf (Accessed 12 June 2020).

³² Hartmann IT-02-54-R77.5; Maglov IT-99-36-R77; Seselj First Contempt Case IT-03-67-R77.2; Seselj Second Contempt Case IT-03-67-R77.3.

³³ The Prosecutor v. Pauline Nyiramasuhuko et al., Judgement, 14 December 2015, ICTR-98-42-T, §282.

³⁴ См. The Prosecutor v. Pauline Nyiramasuhuko et al., Confidential Decision Following Amicus Curiae Report Related to Allegations of Contempt of the Tribunal and False Testimony [of] Witness QA, 2 September 2011 (confidential), ICTR-98-42-T, §33.

именовать политикой преследования преступлений против отправления международного уголовного правосудия. Ввиду идентичности вызовов, с которыми сталкиваются все органы международного уголовного правосудия, целесообразна разработка ее международным сообществом и реализация на базе отдельных международных уголовных трибуналов.

К ключевым принципам такой политики следует отнести равенство, неотвратимость наказания, уважение прав человека, пропорциональность наказания содеянному. К основной цели — обеспечение надлежащего отправления международного уголовного правосудия.

В направлениях ее реализации должны входить: установление уголовной ответственности за совершение деяний, посягающих на отношения по надлежащему отправлению международного уголовного правосудия, в международно-правовых актах и во внутреннем законодательстве государств-участников учредительных договоров международных уголовных судов; сотрудничество между государствами и международными уголовными трибуналами в связи с оказанием правовой помощи в превенции, осуществлении следственных действий, сборе доказательств, аресте и передаче обвиняемых, организации отбывания наказания осужденными.

Среди методов ее реализации следует назвать разработку и заключение международных договоров и принятие международно-правовых актов о создании действенных процессуальных механизмов привлечения к ответственности внутри международных трибуналов; принятие соответствующих уголовно-процессуальных норм на национальном уровне.

На сегодня такой политики не существует. Преследования осуществляются выборочно и несистемно, отсутствует мониторинг потенциальных посягательств, в процессе принятия решения о преследовании учитываются посторонние факторы. Как результат, можно без преувеличения утверждать, что большинство посягательств на отправление правосудия остается невыявленными и, как следствие, безнаказанными.

Множественность органов преследования — системный прокурор, прокурор *amicus curiae* — не способствует формированию такой политики. Вкупе со сменяемостью прокуроров *amicus curiae* она не позволяет разработать единый подход к расследованию и преследованию преступлений против правосудия, кодифицировать передовой опыт. Каждый прокурор *amicus curiae* действует согласно своему собственному представлению о своей роли и задачах, на которое неизбежно накладывает отпечаток его образование и профессиональная среда.

Этот и ряд других факторов заставляют усомниться в том, что институт прокурора *amicus curiae* представляет собой наиболее оптимальный механизм осуществления расследования и поддержания обвинения в связи с преступлениями против международного уголовного правосудия.

Ресурсы прокурора *amicus curiae* ограничены, и даже на их полную мобилизацию требуется время, занимаемое у расследования. Сравнение с нацио-

нально-правовым институтом специального прокурора представляется здесь уместным. В публикации, посвященной институту специального прокурора в США³⁵, Д. Шмольц отмечает: «В отличие от генерального прокурора США или сотрудника Министерства юстиции, заступающего на пост в уже существующем органе со своим помещением, персоналом, телефонами, агентами, юристами и всеми другими составляющими функционирующего органа, специальный прокурор, принеся присягу, начинает с нуля. У него нет ничего, кроме бумаги о его назначении, определяющей пределы его полномочий. У него нет ни копировальной машины, ни помещения, ни персонала, ни юристов, ни агентов, ни книг, ни компьютера, ни даже телефона» (Smaltz, 1998). То же самое можно в целом сказать и о прокуроре *amicus curiae* международных уголовных трибуналов. Секретариаты международных трибуналов оказывают ему техническую поддержку, однако очевидно, что на организацию оптимального рабочего пространства необходимо время³⁶.

Механизм прокуроров *amicus curiae* не приспособлен для предупреждения преступлений против отправления правосудия. Прокуроры *amicus curiae* привлекаются пост-фактум к преследованию уже совершенных преступлений, по сути, когда, исходя из уже известных обстоятельств, уголовное производство практически неизбежно.

Ввиду перечисленных недостатков нельзя не задуматься о создании механизма, в котором они бы отсутствовали. Залог любой успешной правовой политики — это наличие целостного видения ситуации и отслеживание ее эволюции в средне- и долгосрочной перспективе для внесения корректив. Фактор постоянства имеет в этой связи первостепенное значение. Следовательно, спорадическое применение института прокурора *amicus curiae* необходимо заменить на перманентный механизм.

Прокурор по посягательствам на отправление международного уголовного правосудия как альтернатива прокурору *amicus curiae*

В качестве одной из альтернатив прокурору *amicus curiae* можно было бы рассмотреть учреждение в рамках Канцелярий Прокуроров международных уголовных судов специальных подразделений по расследованию и преследованию посягательств на отправление правосудия³⁷. В деле «Прокурор против

³⁵ Специальный прокурор может рассматриваться как национально-правовой эквивалент прокурора *amicus curiae*. В некоторых юрисдикциях специальные прокуроры назначаются для проведения следственных действий и поддержания обвинения в отношении высших должностных лиц государства и других высокопоставленных чиновников, во избежание давления на систему прокуратуры.

³⁶ Practice Direction on Procedure for the Investigation and Prosecution of Contempt before the International Tribunal, 6 May 2004, IT/227, §19(ii), available at: https://www.icty.org/x/file/Legal%20Library/Practice_Directions/it227_contempt_procedure_en.pdf (Accessed 12 June 2020).

³⁷ Kopylova, E. Everybody Has Friends, Why Not the ICC: on the Court's Power to Appoint Amicus Curiae Prosecutors, 12 May 2016, available at: <http://opiniojuris.org/2016/05/12/everybody-has-friends-why-not-the-icc-on-the-courts-power-to-appoint-amicus-curiae-prosecutors/> (Accessed 11 June 2020).

Ж. Де Дье Камуханда» Апелляционная палата Международного уголовного трибунала по Руанде (далее — «МТР») дала предписание Прокурору трибунала следственным путем проверить информацию о попытке отдельных сотрудников трибунала оказать воздействие на свидетелей и о даче ложных показаний³⁸. Прокурор назначил специального советника — партнера американской фирмы «Хоган и Хартсон» — для осуществления следственных действий и «доклада Прокурору о целесообразности предъявления обвинения в неуважении к суду или даче ложных показаний или любом другом преступлении против должного отправления правосудия»³⁹. Кроме того, специальному советнику поручалось проанализировать и расследовать «некоторые вопросы, которые возникли в рамках апелляции на приговор в отношении Хассана Нгезе⁴⁰», а также представить свои предложения по результатам⁴¹. Расследование специального советника привело к возбуждению двух единственных дел о посягательствах на отправление правосудия МТР, против Л. Нсогоза и свидетеля ГАА.

Вместе с тем внедрение специального подразделения внутри Канцелярий Прокуроров не вполне устраняет недостатки, характерные для прокурора *amicus curiae*. Более того, такой вариант дополнительно страдает от некоторых других. Главный из них — подчиненность системному Прокурору и отсутствие полномочий по принятию решения о правовых последствиях итогов расследования. Системный Прокурор неизбежно будет учитывать ряд факторов, не имеющих непосредственного отношения к защите интересов правосудия, таких как вероятные последствия для дел, находящихся у него в производстве, для имиджа его Канцелярии и др.

Представляется, что положительных результатов в борьбе с преступлениями против отправления правосудия помогло бы достичь учреждение в рамках международных уголовных судов особого органа — прокурора по посягательствам на отправление правосудия.

Такой орган мог бы быть создан в рамках Международного уголовного суда (далее — «МУС») посредством внесения поправок в Римский статут, а также создаваться в будущих трибуналах *ad hoc*. Он функционировал бы независимо как от внешних источников, так и от других органов того или иного трибунала, включая прокурора по международным преступлениям. Это позво-

³⁸ Jean de Dieu Kamuhanda c. le Procureur, transcription de l'audience, le 19 mai 2005, ICTR-99-54A-A, p. 52, lns 8–18.

³⁹ Appointment of Special Counsel by the Prosecutor (Press release, 12 July 2005), available at: <https://unictr.irmct.org/en/news/appointment-special-counsel-prosecutor> (Accessed 11 June 2020).

⁴⁰ Хассан Нгезе, уроженец Руанды, журналист. В период геноцида в Руанде был корреспондентом Свободного Радио-Телевидения Тысячи Холмов, на волнах которого неоднократно призывал к уничтожению тутси и хуту. Обнародовал списки лиц, подлежащих уничтожению вооруженными группировками. Был приговорен к пожизненному заключению в первой инстанции; Апелляционная палата снизила срок наказания до 35 лет.

⁴¹ Appointment of Special Counsel by the Prosecutor, op. cit.

ляло бы гарантировать полную беспристрастность при решении о возбуждении уголовного дела.

Замещение должности прокурора по посягательствам на отправление правосудия происходило бы в таком же порядке, что замещение должности прокурора по международным преступлениям, посредством назначения или избрания. На нее могло бы претендовать высококвалифицированное лицо, обладающее высокими моральными качествами, практическим опытом в области расследования и поддержания обвинения по уголовным делам и свободно владеющее как минимум одним из рабочих языков суда.

Должность прокурора по посягательствам на отправление правосудия должна быть несовместима с другой профессиональной деятельностью и исключать любые виды деятельности, могущие поставить под сомнение его независимость.

Прокурор по посягательствам на отправление правосудия пользовался бы такими же процессуальными правами, обязанностями, международными иммунитетами и привилегиями. По умолчанию его взаимодействие с государствами и иными субъектами международного права регулировалось бы нормами, применимыми к взаимодействию с ними прокурора по международным преступлениям. Вместе с тем нельзя не констатировать на примере МУС, что действующие механизмы правовой помощи слишком громоздки. В этой связи перспективными могли бы стать переговоры с государствами об упрощении порядка международного сотрудничества в борьбе с преступлениями против международного уголовного правосудия.

В подчинении Прокурора по посягательствам на отправление правосудия находилась бы Канцелярия, набор в которую осуществлялся бы в соответствии с процедурой, предусмотренной для трудоустройства в Канцелярию Прокурора по международным преступлениям. В порядке повышения эффективности взаимодействия с правоохранительными органами государств-участников в ее состав также могли бы входить их представители для поддержания прямого диалога о ходе исполнения запросов о правовой помощи.

Сотрудники Канцелярии Прокурора по посягательствам на отправление правосудия должны иметь доступ к материалам, включая конфиденциальные, всех дел и ситуаций, находящихся в производстве трибунала. В их задачу будет входить:

- мониторинг текущих производств на предмет выявления совершенных или готовящихся преступлений против правосудия;
- проверка сообщений о совершенных или готовящихся преступлениях против правосудия. Такие сообщения могут исходить от других органов международного уголовного трибунала, участников процесса (например, защитников или представителей потерпевших), любых других внешних источников;
- проверка информации о совершенных или готовящихся преступлениях, публикуемой в СМИ. Через механизм правовой помощи либо напрямую,

если позволяет устав, прокурор по посягательствам на отправление правосудия запрашивает у редакции соответствующего СМИ документы и материалы, подтверждающие информацию о преступлении.

Под «проверкой» следует понимать совершение любых следственных действий, направленных на установление соответствия действительности содержащейся в сообщении информации. Факт получения сообщения о преступлении против правосудия и содержание его проверки входят в состав тайны следствия и не подлежат разглашению. Таким образом, расследованию будет обеспечиваться необходимая конфиденциальность.

При проведении проверки прокурором по посягательствам на отправление правосудия соблюдаются права человека и правила сбора, регистрации и хранения доказательств.

В интересах повышения отчетности и ответственности заявителю должен подтверждаться факт принятия сообщения о преступлении и сообщаться о результатах проверок. По итогам рассмотрения сообщения прокурор по посягательствам на отправление правосудия может принять решение о возбуждении уголовного дела; об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием оснований, т.е. наличия достаточных данных, указывающих на признаки преступления; о нецелесообразности возбуждения уголовного дела в рамках международного уголовного трибунала и о передаче материалов проверки правоохранительным органам государства, компетентного осуществлять уголовное преследование.

Параллельно созданию такого органа во избежание злоупотреблений следовало бы дополнить перечень преступлений против международного уголовного правосудия преступлением заведомо ложного доноса — деянием, состоящим в умышленном сообщении прокурору по посягательствам на отправление правосудия заведомо не соответствующей действительности информации о совершенном или готовящемся преступлении против отправления правосудия.

Выводы

Восприятие нормы о прокуроре *amicus curiae* всеми международными уголовными трибуналами *ad hoc* дает основания говорить об универсальном характере этого института. Повсеместное его использование — с большей или меньшей интенсивностью, в зависимости от трибунала, — указывает на его эффективность как субъекта борьбы с посягательствами на отправление международного уголовного правосудия.

Вместе с тем, как представляется, спустя почти тридцать лет непрерывного функционирования международной уголовной юстиции и в отсутствие признаков прерывания этого процесса пришло время выводить эту борьбу на новый уровень: более системный, организованный, базирующийся на прошлом опыте как в плане преемственности положительных аспектов, так и в плане

корректировки неудачных решений. В силу своей природы институт прокурора *amicus curiae* неспособен интегрироваться в новую систему. Ее организацию следует мыслить вокруг перманентного органа, полностью ориентированного на выявление, преследование и превенцию преступлений против международного уголовного правосудия.

Библиографический список / References

- Bartholomeusz, L. (2005) The amicus curiae before international courts and tribunals. *Non-State Actors and International Law*. (5), 209–286.
- Bry, K. (1993) An overview of illinois contempt law: a court's inherent power and the appropriate procedures and sanctions. *Marshall Law Review*. (23), 223–256.
- Cibulski, C. (2005) The Amicus curiae as an instrument of perfectioning the legal system: materials of the Third International Conference «Access to justice. The practice of amicus curiae — friend of court», available at: <https://csip.kg/documents/HFHR/1/attPart01/3-1a.pdf> (Accessed 05 June 2020). (in Russian).
Цыбульски С. «Amicus curiae» как инструмент усовершенствования правовой системы: материалы Третьей Международной Конференции «Доступ к правосудию. Практика Amicus curiae — друга правосудия». Киев, апрель 2005, available at: <https://csip.kg/documents/HFHR/1/attPart01/3-1a.pdf> (Accessed 05 June 2020).
- Chinkin, Ch., Mackenzie, R. (2002) International Organizations as Friends of Court. *International Organizations and International Dispute Settlement: Trends and Prospects*. Ardsley, N.Y. Transnational Publishers Inc., pp. 295–311.
- Crema, L. (2013) Testing Amici Curiae in International Law: Rules and Practice. *The Italian Yearbook of International Law*. 22(1), 91–132.
- Gomez, K.F. (2012) Rethinking the Role of *Amicus Curiae* in International Investment Arbitration: How to Draw the Line Favorably for the Public Interest. *Fordham International Law Journal*. 35(2), 510–564.
- Hiéramente, M., Müller, Ph., Ferguson, E. (2014) Barasa, Bribery and Beyond: Offences against the Administration of Justice at the International Criminal Court. *International Criminal Law Review*. 14 (6), 1123–1149.
- Kopylova, E.A. (2019) *Préstupleniya protiv mezhdunarodnogo ugovnogo pravosudiya [The Offences against the Administration of the International Criminal Justice]*. Moscow, Boslen Publ. (in Russian).
Копылова Е.А. Преступления против международного уголовного правосудия. Бослен. 2019. 368 с.
- Lysenko, V.V. (2008) The amicus curiae in the theory and practice of the NGOs and the European Court of Human Rights. *Russian Judge*. (9), 38–42. (in Russian).
Лысенко В.В. Институт amicus curiae в теории и практике неправительственных организаций и Европейский суд по правам человека // Российский судья. 2008. № 9. С. 38–42.
- Marusin, I.S. (2002) Grounds and Procedure for Prosecution of Crimes Against Justice in International Judicial Institutions. *Russian Yearbook of International Law 2002*. Saint-Petersburg, Russia-Neva Publ. pp. 114–127. (in Russian).
Марусин И.С. Основания и порядок привлечения к ответственности за преступления против правосудия в международных судебных учреждениях // Российский ежегодник международного права 2002. СПб.: Россия-Нева, 2002. С. 114–127.

- Mirgorodsky, E.D. (2019) The Amicus Curiae in international law: history and modernity. *Journal of the Oleg Kutafin University (MSLU)*. 10 (62), 199–204. (in Russian).
Миргородский Е.Д. Amicus Curiae в международном праве: история и современность // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 10 (62). С. 199–204.
- Sands, Ph., Mackenzie, R. (2008) International Courts and Tribunals, Amicus Curiae. *Max Planck Encyclopedia of Public International Law*, available at: <https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law/epil/9780199231690/law-9780199231690-e8> (Accessed 05 June 2020).
- Shelton, D. (1994) The Participation of Nongovernmental Organizations in International Judicial Proceedings. *The American Journal of International Law*. 88 (4), 611–642.
- Smaltz, D.C. (1998) The Independent Counsel: A View from Inside. *Georgetown Law Journal*. 86 (6), available at: <https://govinfo.library.unt.edu/oic/SMALTZ/speeches/GTLJ.htm> (Accessed 06 June 2020).
- Trikoz, E.N. (2009) The Offences against the Administration of Justice in the International Criminal Law. *The Current Problems of the International Justice*. Moscow, Law and Public Policy Institute Publ. 227–236. (in Russian).
Трикоз Е.Н. Преступления против отправления правосудия в международном уголовном праве // Международное уголовное правосудие: современные проблемы. М.: Ин-т права и публичной политики, 2009. С. 227–236.
- Van den Eynde, L. (2019) Amicus Curiae: European Court of Human Rights (ECtHR). *Max Planck Encyclopedia of International Procedural Law*, available at: <https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law-mpeipro/e3753.013.3753/law-mpeipro-e3753> (Accessed 05 June 2020).
- Viljoen, F., Abebe, A. (2014) «Amicus Curiae» Participation Before Regional Human Rights Bodies in Africa. *Journal of African Law*. 58 (1), 22–44.
- Wiik, A. (2018) *Amicus Curiae* Before International Courts and Tribunals. Nomos/Hart.
- Williams, S., Woolaver H. (2006) The Role of the Amicus Curiae before International Criminal Tribunals. *International Criminal Law Review*. 6(2), 151–189.
- Williams, S., Woolaver, H., Palmer, E. (2020) *The Amicus Curiae in International Criminal Justice*. Hart Publishing.

Об авторе:

Копылова Екатерина Алексеевна — кандидат юридических наук, помощник по правовым вопросам Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации во Французской Республике и Княжестве Монако, Посольство Российской Федерации во Французской Республике и Княжестве Монако; 75116, Французская Республика, г. Париж, Бульвар Ланн, д. 40–50

ORCID: 0000-0002-0893-6044; SCOPUS Author ID: 57193092605;

SPIN-код: 2501-6221

e-mail: kopylova.diplomatie@gmail.com

About the author:

Ekaterina A. Kopylova — Candidate of Legal Sciences, Legal Advisor to the Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador of the Russian Federation to the French Republic and the Principality of Monaco, Embassy of the Russian Federation to the French Republic and the Principality of Monaco; 40–50 Boulevard Lannes, Paris, 75116, France

ORCID: 0000-0002-0893-6044; SCOPUS Author ID: 57193092605;

SPIN-code: 2501-6221

e-mail: kopylova.diplomatie@gmail.com